

О переводах произведений А. М. Горького на армянский язык

К переводам произведений величайшего мастера художественного слова, основоположника литературы социалистического реализма А. М. Горького необходимо относиться с исключительной серьезностью и ответственностью. К этой работе следует привлекать лучших переводчиков. К сожалению, в этом важном деле нередко подвизаются люди, недостаточно квалифицированные, а иной раз и явные халтурщики.

Айпетрат в своем многотомном издании сочинений М. Горького почему-то скрыл от общественности имена переводчиков произведений «Мать» (V том), «Жизнь ненужного человека», «Лето», «Городок Огуров» (VI том), «Легенды и баллады» (I том). Но некоторые из них нам известны. Это, например, В. Микаелян, переводчик VII тома, А. Арутюнян, переводчик романа «Фома Гордеев» (II том), всего X и части I томов.

Чтобы в полной мере показать, как неузнаваемо извращен горьковский язык, его стиль в переводах А. Арутюняна, нужно было бы привести обширные параллельные цитаты из подлинника и перевода, но, к сожалению, размеры газетной статьи не позволяют этого, поэтому мы вынуждены из множества ошибок и искажений остановиться лишь на некоторых.

В рассказе «Отшельник» вместо слов Горького «Выражение болезненно-насмешливое» переводчик пишет «болезненно-смешное выражение»; вместо «Ну-кося хлебом» — «Ну покусает что-нибудь» (Арутюнян, очевидно, полагает, что «хлебнуть» означает «кусать хлеб!»); «Сказывают: первый водку сварил бес» — «Первую водку варил бес»; «Это праздничь нам — человека травить» —

«...мы любим отравить день человека»; «Вдова, жила со старым, натерпелась» — «Вдова, жила со старым человеком, не вытесла». Это — часть ошибок в переводе одного небольшого рассказа...

Ошибки в переводе «Рассказа о безответной любви» не менее серьезны. Вот некоторые из них: «Уши маленькие, вырезанные четко» переведено — «...которые мелкие и ясно видны»; «Что сторожит, о чем скучает?» — «На что смотрит, в чем причина печали»; «Что-то тихое, музыкальное» — «Какая-то тихая музыкальность» и т. д.

В следующем рассказе фраза: «Певуче-фальшивый голос звучал виновато» переведена — «Фальшивый-певческий (*հր-գեղիկ*) голос звучал как виноватый»; «Насмешливый взгляд» — «Вызывающий смех (*ծրժախաշարժ*) взгляд»; «Жизни ты не жалеешь» — «Жизни ты не знаешь» и т. д. и т. п.

Нельзя сказать, что текст Горького легко переводим. Даже лучшие переводы могли бы вызвать какие-то возражения. Но в данном переводе ошибки далеко не исключение.

В очерке «В. Г. Короленко» слово «кудрявый» переведено «красноречивый», «уемехаться» все время переводится как «улыбаться», проницское «свирепый верзила» — «жестокый великан»; слова «Все-таки и снова — аллегория» — «все-таки снова уродство» (*սիմվոշ-կոթանի*).

Приведем несколько примеров искажения содержания и смысла горьковского текста из перевода рассказа «Магар Чулара» (перевод А. Арутюняна, I том).

Фраза: «Вот он по капле с потом силы свои источит на землю...» переведена: «Вот этот свои силы каплями выжимает

в землю»; «Ничего по нем не останется, ничего он не видит с своего поля» переведено: «Ничего не останется себе, не увидит дальше своей земли». Слово «скучно» несколько раз переведено «печально».

Подобные же ошибки, но в несколько меньшем количестве, находим в рассказах этого тома, переведенных т. т. Мазманияном и Хондкяряном. Например, в рассказе «Старуха Изергиль» (перевод Мазманияна) фраза: «Неоперенной стрелой и неотточенным наконечником» переведена «Непригодной и тупой стрелой»; «Ну, и льяволы» — переведено «Вай, вай, чорт их побрал».

Единственным украшением этого тома является небольшой рассказ «Однажды осенью...», переведенный Ст. Шаумяном. В III том включены рассказы, переведенные довольно небрежно Хондкяряном. Приведем несколько примеров из рассказа «Мой спутник».

«В шляпе, сдвинутой на затылок, открывавшей смуглый, потный лоб...» переведено «с шляпой, которая была положена на затылок и покрывала потный, темный лоб...» Вот так шляпа! Она одновременно была сдвинута на затылок и покрывала лоб...

Перед нами пьеса «На дне», переведенная Г. Аветяном. Это, как известно, очень старый перевод. В свое время, как один из первых переводов произведений Горького на армянский язык, он, несомненно, сыграл весьма положительную роль. Но теперь, в условиях подъема переводческого дела, перевод этот не может удовлетворить читателя. Вне всякого сомнения, следовало сделать новый перевод или по крайней мере серьезно отредактировать имеющийся.

В V том включены произведения «Мать» и «В Америке». Кто перевел «Мать» — неизвестно; «В Америке» — перевел т. Туршян. Во фразе «День бесследно вычеркнут из жизни» («Мать»), переводчик «поправляет» Горького: «из

книги жизни»; «Больше я не дамся» — переведено «Больше не пушу»; «разум» — «сознание». Такие ошибки встречаются во всем переводе в довольно большом количестве.

Неразливо переведено и «В Америке». Вот примеры: «И кажется, что все — железо, камни, вода, дерево, — полно протеста против жизни без солнца, без песни и счастья, в плену тяжелого труда» переведено: «И кажется, что все железо, камни, вода дрова протестуют против бессолнечной, лишенной песни и счастья» и т. д., кроме того, при переводе выпало «в плену тяжелого труда». Когда Горький пишет, что железо, камни и т. д. полны протеста, то тем самым он как бы выказывает свой протест, между тем, в переводе «протестуют» сами камни, железо и т. д., что — нелепо.

Таких ошибок немало в этом переводе.

В VI том включены «Жизнь ненужного человека», «Лето», «Городок Огуров». Все эти произведения также переведены плохо. Даже заглавие «Жизнь ненужного человека» превратилось в «Жизнь лишнего (*սիվերորդ*) человека». Можно было бы указать и на много других ошибок в этих переводах.

В VIII томе напечатаны «Детство» и «В людях», а в IX — «Мои университеты» и «Дело Артамоновых». Оба тома переведены М. Арази и, нужно сказать прямо, переведены слабо. От М. Арази больше, чем от других, можно было бы требовать передачи горьковского языка, стиля, однако этого нет ни в одном из четырех переводов.

Совершенно очевидно, что Айпетрат должен более серьезно относиться к изданию произведений Горького на армянском языке, решительно отказаться от практики, когда замечательные творения великого пролетарского писателя предлагаются армянскому читателю в искаженном виде.

Г. АРЕЯН.